

136
358

СКАЗАНИЕ

0

ПРЕПОДОБНОМЪ ОБОДОРЪ

КНЯЗЪ ОСТРОЖСКОМЪ.

Составлено по изысканіямъ Гильфердинга, Зубрицкаго, Хойвацкаго, Палацкаго, Максимовича.

№ 10769

БИБЛИОТЕКА
ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

Въ типографіи Почаевской Лавры.

1871.

Централ
Фонд
СССР
В. И. ЛЕНИНА

2004031331

Напечатано по благословению Епархиального Архиепископа Агафангела.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

3266-04

СКАЗАНИЕ О ПРЕПОДОБНОМЪ ѲЕОДОРѢ,
КНЯЗѢ ОСТРОЖСКОМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Было тяжелое и грѣшное время на Русь, когда русскіе, разныхъ городовъ и княжествъ, ссорились и шли войною другъ на друга, изъ-за всякихъ пустяковъ. Зовутъ это время *удальное*, и продолжалось оно около 500 лѣтъ, — но, слава Богу, съ промежутками, — иначе отъ Россіи не осталось бы ничего, вѣроятно, кромѣ имени.

Обычай былъ такой: Великій князь *всей Россіи*; (который владѣлъ ею изъ Кіева), умирая, раздѣлялъ на разные участки государство, и *удѣлялъ* одинъ или нѣсколько городовъ каждому изъ сыновей, называя его княземъ того мѣста, и давая ему тамъ полную государственную власть, съ тѣмъ, чтобы всѣ они повиновались старшему, который назывался *великимъ княземъ*. Но великое княжество наследовалъ не сынъ послѣ отца, что называется *прямое наследіе*, а старшій въ родѣ, братъ ли, дядя ли, умершаго, такъ что великій князь переѣзжалъ въ Кіевъ, то изъ Новгорода, то изъ Чернигова, то изъ Твери. Князь же переводилъ съ собою свою дружину (близкихъ ему военачальниковъ) и бояръ (т. е. совѣтъ), часто выгонялъ прежнихъ начальниковъ и дѣлалъ себѣ враговъ изъ нихъ; другіе младшіе князья, повелѣвая каждый въ своемъ городѣ, часто не хотѣли повиноваться ему, сами отъ себя вели войну съ сосѣдними русскими же князьями, бунтовали противъ великаго князя кіевскаго, и не было со-

гласія, ни единства между ними; а народъ, разумѣтся, шелъ за своимъ близкимъ князьями. Тогда вошло въ поговорку: «у всякаго князя своя Россія», т. е. называли *Россіей* свое владѣніе, каждый изъ этихъ князей маленькихъ, слабенькихъ, да задорныхъ. Были еще два вольные города: Новгородъ и Псковъ, которые управлялись своимъ выборнымъ и совѣтовались на вѣчѣ (собраніе въ родѣ мірскихъ сходокъ); имѣли они право избирать себѣ князя, по вольному выбору, все таки повинувся великому князю кievскому. Но на дѣлѣ они тоже не повиновались ему, и даже своихъ выборныхъ князей безпрестанно смѣняли, такъ что у нихъ еще пуще выходила путаница. Вотъ эти кусочки раздѣленной Россіи и назывались *удьями*, а князья *удьяльными*.

Хорошо, пожалуй, раздѣлять по ровну простое имущество неоселенное, земли, дома или деньги между дѣтьми, и не обижать никого изъ нихъ; но и тутъ видимъ, какъ семья бѣднѣетъ чрезъ раздѣлъ; а ужъ власть, да еще власть государственную, раздѣлять и мѣнять никакъ не должно: непременно начнутся раздоръ и война; и отечество, дорогой сердцу край, гдѣ живутъ все братья; одинъ народъ, теряетъ всю силу; и первый задорный сосѣдъ его растерзаетъ и покорить. Такъ вышло съ нашей бѣдной матушкой святой Русью. Богу не угодны смуты и раздоры и пролитіе крови. Богъ любитъ согласіе, миръ и любовь. Только тогда война бываетъ святое дѣло, когда непременно нужно силою противустоять силѣ, т. е. насилію злыхъ людей; когда нужно защитить своего царя, свою землю, свою вѣру, или спасти и поддержать бѣдный, загнанный дружественный народъ, на котораго злые враги нападаютъ. Это называется *союзъ*, когда нѣсколько разныхъ народовъ дружно идутъ войною или мирно за одно и то же дѣло вмѣстѣ.

Но, къ стыду нашихъ предковъ, они воевали другъ противъ друга, и въ *союзъ* вступали съ врагами Россіи противъ русскихъ же. Господь долготерпѣливый и многостыпный, однако всегда наказываетъ эти канскія брашна; и вотъ послалъ Онъ ужасную кару на русскихъ. Изъ Азии явился неизвѣстный дотолѣ народъ, самый злой и дикій: монголы или татары, какъ ихъ обыкновенно зовутъ; они

разорили сперва весь южный край Руси и сожгли Кіевъ; а русскіе все таки не всё соединились, чтобъ дать отпоръ. Черезъ 14 лѣтъ татары напнулись на сѣверное царство Россіи; жгли, мучили, полопили князей во Владиміръ, въ Нижнемъ, въ Твери, и завладѣли такимъ образомъ всей Русью.—Князья удѣльные все воевали между собой, а сверхъ того было тогда двое великихъ князей (старшихъ), изъ которыхъ каждый считалъ себя государемъ всей Россіи,—одинъ въ Кіевѣ, другой во Владимірѣ, а потомъ въ Москвѣ.

Сѣверные русскіе смирились передъ Божьимъ гнѣвомъ, и поняли, что это наказаніе за ихъ междоусобіа: Московскіе князья стали стараться лишь объ одномъ: *собрать все удѣлы въ одно цѣлое, такъ сказать сплотить Россію, и тогда дать отпоръ врагамъ*; а покуда платили дань татарамъ и выносили, какъ говорится, на своихъ плечахъ всю тяготу и стыдъ и униженіе этого ига монгольскаго, лишь бы соединить силы всей Россіи, терпя и смиряясь до поры до времени. Главою этого труднаго дѣла стали московскіе великіе князья, *особенно* совѣтами и молитвами святыхъ іерарховъ и пустынниковъ сѣверныхъ странъ—св. Петра, св. Алексія, преп. Сергія, св. Стефана, св. Кипріяна, св. Фотія, и многихъ другихъ святителей и иноковъ преподобныхъ; такъ что можно сказать на молитвѣ и постныхъ подвигахъ основалось московское царство, и черезъ полтора столѣтія неустанной борьбы, сѣверная Русь стала дышать свободѣе, и удалось наконецъ' одинъ разъ, всѣмъ вмѣстѣ, общими силами, разбить татарскіе полки на Куликовомъ полѣ.

Но кіевскій великій князь и все удѣльные, которые держались Кіева, не хотѣли идти на помощь Дмитрію Донскому. Одинъ только изъ мелкихъ князей Вольши, Дмитрій Михайловичъ Бобрюкъ, родственникъ московскаго князя, которому онъ и служилъ, былъ съ нимъ въ куликовской битвѣ, и даже по его совѣту князь Владиміръ Андреевичъ серпуховскій ударилъ изъ засады на татаръ, и рѣшилъ побѣду. Но вообще южная или кіевская Русь не смирялась и не прекращала своихъ междоусобій, и думала другимъ путемъ спастись. А вотъ какимъ:

Около того времени, когда изъ Азіи нахлынули татары, съ европейской стороны стали дѣлать набѣги другіе дикіе язычники: литовцы. Это было особенное, небольшое племя, которое до тѣхъ поръ жило въ дремучихъ непроходимыхъ лѣсахъ около Пскова и Витебска. Занятые своими междоусобіями, русскіе не обращали на нихъ вниманія, пока не случился у нихъ храбрый и предприимчивый начальникъ Гедиминъ. Онъ, и сынъ его Ольгердъ, и племянникъ Витовтъ, напали на русскихъ и стали отнимать у нихъ одно княжество за другимъ.

Впрочемъ ихъ тоже раздавали они своимъ удѣльнымъ князьямъ, которые выучивались по русски, крестились въ православную вѣру, женились на русскихъ княжнахъ и дѣлались совершенно русскими; только та была бѣда, что все больше и больше размножались удѣлы и дробилась власть, да знаменитѣйшій ихъ князь, Ольгердъ, захотѣлъ быть великимъ княземъ всѣхъ князей своего рода, (т. е. родственниковъ), съ властью надъ всѣми удѣлами, которые имъ доставались по ихъ женамъ или матерямъ, и присоединилъ ихъ къ великому княжеству литовскому.

Кіевскіе русскіе, для усиленія себя противъ татаръ, придумали взойти въ союзъ съ Литвою и даже признали Ольгерда за своего великаго князя. Кажется, было бы лучше и естественнѣе примкнуть къ сѣверной Руси и требовать, чтобы родственники Ольгерда, наследовавъ русскія княжества, признавали бы московскаго великаго князя своимъ государемъ. Но ненависть кіевскихъ князей къ московскому и гордость ихъ не допустили до этого добраго дѣла. Литовцы казались имъ малочисленнымъ народомъ, полудикимъ, съ которымъ легче справиться. Они составили съ ними союзъ, какъ равные съ равными и сильные съ сильными.

Но вышло не такъ. Господь Богъ не благословляетъ того, что дѣлается изъ гордости и ненависти, и какъ ни кажутся иногда люди ловки и счастливы, Онъ ихъ найдетъ въ свое время и накажетъ. Мы это видимъ въ исторіи всѣхъ народовъ и въ нашей исторіи особенно ясно.

Литовцы, какъ мы знаемъ, были тогда еще большею частію язычниками, хотя многіе князья ихъ уже крестились

въ православіе. Подлѣ ихъ, на другую сторону Нѣмана и на Вислѣ, и на границѣ Вольныи и Галичины, по ту сторону рѣки Сана, жили поляки. Они были славяне и приняли сперва крещеніе отъ св. Кирилла и Меѳодія, или отъ ихъ учениковъ; такъ что могли бѣ кажется съ нами ужиться. Но у нихъ тоже были удѣлы и ихъ короли, или *крули*, ссорились то съ князьями, то съ народомъ и хотѣли поживиться на счетъ Россіи. Особенно эта рознь пошла отъ круля Мечислава. Онъ крестился сперва въ православіе и женился на княжнѣ чешской Дубровѣ, тоже православной, ибо Чехія и Моравія, гдѣ такъ долго учили и управляли Церковью св. Кириллъ и Меѳодій, составляли въ то время одно царство; къ несчастію Мечиславъ овдовѣлъ и женился, вторымъ бракомъ, на нѣмецкой прищесѣ Одѣ, которая держалась римскаго раскола. Съ ней пріѣхалъ нѣмецкій епископъ и уговорилъ круля уничтожить книги св. Кирилла и Меѳодія и славянское богослуженіе, и принять латинскую вѣру для себя и для своего народа. Скоро стали ксендзы и латинствующіе монахи направлять польскихъ крулей противъ Россіи, и началась упрямая, злая борьба между нами, и продолжалась многія и многія столѣтія. Особенно же она была кровавая, злостная и упорная, когда великій князь литовскій, Ягайло, женился на королевѣ польской и хотѣлъ присоединить Литву съ Русью къ Польшѣ, предоставляя ксендзамъ волю совращать въ латинство всякими соблазнами и муками литовскихъ людей.

СКАЗАНИЕ О СВ. ФЕОДОРѢ.

Въ то время, когда приходилось такъ жутко на Вольныи отъ поляковъ, что иногда русскіе призывали на помощь и въ союзъ даже крымскихъ татаръ, княжилъ въ г. Острогѣ князь Даниилъ Дмитриевичъ. Былъ онъ уменъ, храбръ, благочестивъ и, вмѣстѣ съ княгиней своею Василиссой, много заботился о храмахъ Божіихъ, объ украшеніи и благоустройствѣ ихъ, объ обезпеченіи приyta, словомъ о всемъ, что могло быть полезно и нужно для православныхъ русскихъ

людей. Была тогда въ Острогѣ церковь св. Николая чудотворца, которую многіе и теперь должны помнить, потому что ее не очень давно разобрали за ветхостію и за неимѣніемъ средствъ поддержать ее; а эту церковь особенно любили и записали за ней земли и доходы князь Данилъ и его княгиня Василисса. Не менѣе усердно заботились они о воспитаніи своихъ дѣтей въ страхѣ Господнемъ и въ любви къ Россіи, помня, что они потомки св. княгини Ольги и св. великаго князя Владиміра, просвѣтившихъ и крестившихъ Русь. Сыновей у князя Данила было трое: Ѳеодоръ, Алексѣй и Андрей.

Всѣ они были храбрые и умные и послушные, но старшій Ѳеодоръ всѣхъ больше радовалъ сердце отца и матеріи. Статный ростъ, прекрасное лицо, богатырская сила, ловкость во всѣхъ играхъ и военныхъ упражненіяхъ были какбы принадлежностію его царскаго рода и предвозвѣщали ему славу военачальника; а вмѣстѣ съ тѣмъ кротость и любовь христіанская такъ и свѣтили и сіяли въ немъ съ самаго дѣтства, и болѣе всего радовали благочестивыхъ родителей.

Князь Данилъ славился военною доблестію; онъ разбилъ и выгналъ сильную рать подѣ начальствомъ самаго короля польскаго Казимира великаго, который хотѣлъ завоевать Вольнскую землю. Это была первая (въ 1343 г.) попытка поляковъ завладѣть Подоліею и Волынію, и съ тѣхъ поръ эти нашествія безпрестанно повторялись и приходилось князьямъ Острожскимъ все воевать, изъ рода въ родъ, и отстаивать Волынь отъ непріятеля, пока хватало силъ у русскихъ постоять за себя.

Наконецъ чрезъ 200 лѣтъ борьбы и войны, удалось полякамъ силою и измѣною овладѣть нашимъ краемъ, и тогда приняли латинство богатые и знатные роды Четвертинскихъ, Чарторыжскихъ, Сангушекъ и много, много другихъ, и стали даже называться поляками. Но народъ, крестьяне, остались вѣрными родинѣ, остались русскими и большею частію православными, и выдержали до конца, такъ что можно сказать, послѣ князей Острожскихъ, духовенство и крестьяне отстаивали Волынь, потому что когда Екатерина великая возвратила этотъ край Россіи, отнявъ его обратно

отъ Польши, то край все такъ былъ *русскій* по жителямъ своимъ. Крестьяне даже тѣ, которые считались униатами, стали просить о возвращеніи въ православную Церковь, а при Государѣ Николаѣ Павловичѣ уже все униаты присоединились, и теперь у насъ, слава Богу, едино стадо и единый Пастырь для всехъ насъ: Иисусъ Христосъ!—Нынѣ Государь Александръ Николаевичъ даровалъ волю крѣпостнымъ людямъ, такъ что теперь и отъ пановъ католиковъ не зависятъ крестьяне, а живутъ на собственныхъ земляхъ.

Вотъ долготерпѣніемъ и молитвою, и твердою вѣрою, дошли мы, въ наши дни, до цѣли, за которую страдали и сражались цѣлыя сотни лѣтъ князя Острожскіе и другіе святыя люди и сильные воины. Почти всегда бываетъ такъ, что отстоять ли, возвратить ли землю или положеніе, которое враги хотятъ отнять, всего лучше и вѣрнѣе терпѣніемъ и твердостью, молитвою къ Богу и постояннымъ стараніемъ заслужить у Него спасеніе отъ бѣды.—Да поможетъ намъ Онъ, Господь, и теперь заслужить благословеніе Его и доказать нашу благодарность Царю, своею преданностію Ему и вѣрностію нашей Церкви, во благо и спасеніе Россіи!

Но во время князя Данила не такъ было; а приходилось съ оружіемъ въ рукахъ противиться захватамъ враговъ; онъ потому и старался усиливать и укрѣплять свой замокъ или *крѣпость*; поэтому и называется городъ *Острогъ*. Князь Данилъ вызывалъ мастеровъ самыхъ лучшихъ изъ-за границы: архитекторовъ, живописцевъ и другихъ ученыхъ людей, и они начали строить при немъ эти башни, которыхъ развалины мы видимъ до сихъ поръ. У этихъ ученыхъ слышался и паглядѣлся многому молодой князь Θεодоръ; онъ любилъ учиться и любилъ узнавать, что и какъ дѣлается въ другихъ земляхъ, но все такъ онъ свое любилъ больше, и только старался придумать, какъ приложить въ пользу Россіи и своего любезнаго княжества на Волыни все, что было хорошаго у другихъ, однако не брезгая своимъ роднымъ, не перемѣняя и не истребляя, что хорошо у насъ.—Такъ выросалъ въ силѣ и красотѣ, въ разумѣ и въ добродѣтели, отрокъ Θεодоръ—на радость и утѣшеніе своихъ родителей и волынскаго народа. Въ 1386 году послѣ смерти

отца наследовалъ онъ княжество острожское, корецкое и заславское съ нѣмнѣи Бродовъ, Родосіолки, Родогощи, Межирѣчи, Дяковъ, Свищевъ, Городничъ.

Продолжалъ онъ укрѣплять и украшать свой городъ Острогъ по рисункамъ и подъ руководствомъ тѣхъ искусныхъ мастеровъ, которые работали у его отца князя Данила; знали сосѣди за границей, что иностранцамъ, честнымъ и добрымъ, былъ радушный приѣмъ въ Острогѣ. Вотъ, около этого времени стали приходять странники, особеннаго рода, люди умные и ученые, люди благочестивые, усердные въ молитвѣ, но нерусскіе богомольцы. Это были проповѣдники чехи, изъ далекой Богеміи, или Чехіи, которая съ Моравіей составляла долго одно царство.

Въ Моравіи, мы знаемъ, что св. Меѳодій былъ многія лѣта архіепископомъ, и что крестился у него чешскій князь Боривой съ своей княгиней Людмилою; мы знаемъ тоже, что послѣ преставленія св. Меѳодія, латинствующіе епископы, пѣмцы, разогнали его учениковъ, истребили вездѣ, гдѣ могли, славянскія книги и готовили свой римскій расколъ. Святую княгиню чешскую Людмилу замучили. Внука ея, св. князя чешскаго Вячеслава, тоже извели мученическою смертію, однако еще 200 лѣтъ не могли сладить съ православными славянами. Только черезъ школы латинскія, лжеученіе и нѣмецкіе законы, да призывомъ множества иностранныхъ купцовъ и рыцарей, ксендзы совратили наконецъ и королей и знатныхъ людей въ расколъ.

Все таки долго въ простомъ народѣ, между бѣдными людьми, особенно въ селахъ, помнили чехи свою старую вѣру—припоминали службу божественную на славянскомъ языкѣ и причащеніе св. таинъ по православному. Латиняне, какъ извѣстно, даютъ причастіе въ видѣ облатки мірянамъ; дѣтямъ же совѣтъ не даютъ, такъ что многіе младенцы умираютъ, не причастившись никогда. И такъ продолжалось цѣлое столѣтіе.

Но, во время св. Θεодора Острожскаго, ученые люди, знающіе богословскую науку, стали удостовѣряться, что римскій папа и его ксендзы перешли въ явный расколъ, а люди

простые, неученые догадывались, что запрещеніе припмать тѣло и кровь Спасителя подѣ видомъ хлѣба и вина, какъ онъ самъ установилъ на тайной вечери, и запрещеніе совершать литургію на родномъ языкѣ, конечно не христіанскія правила, а придуманы просто изъ за чьего нибудь удобства. Особенно англичане и чехи этимъ смущались, но не знали, какъ выдти изъ сомнѣнія.

Чехи только смутно помнили о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ и объ родномъ богослуженіи, но не знали, гдѣ пайдти книги и преданія объ нихъ. Нѣкоторые изъ нихъ и отправились въ Литву, гдѣ они слышали, что есть церкви, въ которыхъ служатъ по славянски; а нѣкоторые, наслышавшись о добромъ привѣтѣ Острожскаго князя и объ его благочестіи, пришли на Вошьнь, проповѣдуя, по всему пути своему, противъ лжеученія ксендзовъ и совѣтуя полякамъ и русскимъ остерегаться ихъ. Поляки, разумѣется, ихъ не слушали, но князь Ѳеодоръ напротивъ принялъ ихъ радушно, и горѣло молодое сердце его, слушая, какъ они сказывали о пробужденіи своего народа къ истинѣ, о томъ, какъ они отрываются отъ раскола и хотятъ присоединиться къ православнои Церкви. Говорили они, какъ въ столицѣ чеховъ, Прагѣ, все переменялось: не ходили слушать уроки нѣмецкихъ профессоровъ въ университетѣ, не слушали бесѣды ксендзовъ; но, въ университетѣ, студенты съ усердіемъ слушали лекціи, а въ церкви народъ слушалъ проповѣдь, молодаго священника преподавателя Юаппа Гусса, возстававшего открыто противъ злоупотребленій и лжеученія римской Церкви.

Самъ Гуссъ былъ сынъ крестьянина, изъ деревни Гуспицець, воспитанный въ простотѣ вѣры и старыхъ преданій сельскихъ; бѣдный, безъ связей, безъ поддержки, онъ пробивался только терпѣніемъ, трудомъ и благоправіемъ, не давая заглухнуть своимъ способностямъ, ни угаснуть своей любви къ наукѣ, среди черной работы у одного пражскаго учителя, у котораго нанялся въ служители, ради квартиры, стола и пользованія книгами для обученія. Тихій, терпѣливый, исполненный любви и кротости, съ чистой совѣстью, съ ясными думами, какимъ пришелъ онъ мальчикомъ съ своею

матерью изъ роднаго села, такимъ остался до конца Юаннъ Гуссъ. Въ университетѣ онъ вполнѣ отдался наукѣ богословія, и такъ изучилъ ее глубоко, что сдѣлался знаменитымъ профессоромъ и былъ выбранъ ректоромъ; въ то же время онъ былъ посвященъ и поставленъ ксендзомъ въ каплицу, называемую Внѣлеемской, въ Прагѣ. Но Гуссъ не былъ такимъ, какъ требовали латинскіе епископы: онъ не былъ ксендзомъ, преданнымъ не Церкви Божіей, а римскому престолу папы. Онъ былъ священникъ, іерей Христовой Церкви, глубоко проникнутый величіемъ, святостію и отвѣтственностію этого сана и неутомимо трудился надъ распространеніемъ ученія Христова и надъ обличеніемъ пороковъ и злыхъ обычаевъ его слушателей. Онъ требовалъ возвращенія къ прежнему богослуженію славянскому и причащенію св. таниъ подъ обоими видами и для всѣхъ возрастовъ, не исключая младенцевъ, о которыхъ Исусъ Христосъ сказалъ: «Не возбраняйте дѣтямъ приходить ко Мнѣ (Матѣ. 19, 14)». Онъ требовалъ всего, что сами папы римскіе одобрили при св. Кириллѣ и Меѳодіѣ, когда еще принадлежали сами къ вселенской Церкви. Но въ это время между латинянами былъ раздоръ, грѣхъ и соблазнъ. Два папы-соперники проклинали другъ друга и нестествовали въ церковномъ междоусобіи, но согласны были только въ одномъ, чтобы осудить его справедливыя требованія и христіанское ученіе, какъ ересь. Тогда началось открытое преслѣдованіе его и его ученія духовенствомъ и гоненіе горожанами и смуты въ Прагѣ. Король Вячеславъ просилъ за него папу, и королева Софія выбрала его своимъ духовникомъ и поддерживала его, но латиняне не слушались ихъ. Тогда Гуссъ сталъ искать истины въ Церкви восточной православной, къ которой стремился, по которую мало знали чехи, потому что они были отдѣлены мадьярами и латинянами отъ сербовъ, и поляками-латинянами отъ русскихъ.

Все это рассказывали странники святому князю Острожскому; хотя онъ и радовался этимъ новымъ единовѣрцамъ и принималъ ихъ съ радушіемъ, онъ однако крѣпко задумывался, слушая ихъ вѣсти о томъ, какъ ловко и искусно монахи латинскіе истребляли даже память о книгахъ и уче-

ни св. Кирилла и Меодія; чужь оны бѣду для своей Вольни, если не остановятъ ихъ продѣлки на Литвѣ; и даль св. Θεодоръ въ душѣ своей обѣтъ передъ Богомъ: всегда и вездѣ, гдѣ ни пошлетъ Господь ему случай, защищать и поддерживать всѣхъ, кто станетъ за Церковь православную противъ раскола римскаго.

Все болѣе и болѣе трудился и старался о своемъ княжествѣ и о своихъ подданныхъ молодой князь, готовя все ко времени, когда придется и ему проливать кровь свою за Церковь Божию и святую Русь, какъ отецъ его. Онъ это предвидѣлъ, потому что великій князь литовскій Ягайло, женившись на польской королевѣ Ядвига, перешель въ римскій расколъ. Вся кievская Русь, гдѣ находилась и Вольнь, признавала тогда верховную власть литовскаго князя, а отнюдь не Польши, да еще съ тѣмъ, чтобы русскимъ быть равными и вольными и свою православную Церковь никому ни подчинять. Но Ягайла подстрекали ксендзы и поляки, чтобы онъ соединилъ навсегда Литву съ Польшей и заставилъ литовцевъ идти въ свой расколъ. Намѣстникомъ своимъ, для управления Литвою, онъ назначилъ славнаго и сильнаго двоюроднаго брата своего, Витовта, который тоже принялъ латинство. Святой князь Θεодоръ зналъ, что современемъ доберутся и до русскихъ, и онъ, и другіе русскіе князья, не приняли этого присоединенія и объявили, что если такъ, то они выберутъ особаго великаго князя для Литвы, именно брата Ягайла, *Свидригайла*, сына русской княжны, (1) вѣрнаго православію. Но какъ только узнали про это, Витовтъ схватилъ Свидригайла и посадилъ его въ цѣпяхъ въ неприступный замокъ Кременецъ.

Мы и теперь видимъ развалины его, и можно судить, какая это была сильная крѣпость, по тогдашнему: ее одну, изъ всѣхъ русскихъ крѣпостей, никогда не могли взять татары. Стоятъ и теперь стѣны этого замка, на высокой, каменной горѣ, куда и одному челоуѣку пѣшкомъ даже трудно взойти, а подняться на нее цѣлому отряду съ пушками и лошадьми и осадными орудіями, было невозможно, тѣмъ бо-

(1) Марія, княжны витебской.

лѣе, что съ высокихъ стѣнъ стрѣляли раскаленными ядрами и осыпали картечью всякаго, кто хотѣлъ приступить.

Туда посадили Свидригайла, отдавъ его подъ надзоръ коменданта, а комендантомъ, (или какъ звали тогда старостю), назначили нарочно поляка, да еще изъ нѣмецкой фамиліи, Конрада Франкельберга.

Въ Польшѣ ужъ давно было такое правило, что въ рыцарство ихъ (по нашему дворянство) поступать могли всякіе иностранцы, и имъ давались земли и льготы, и прикрѣплялись крестьяне въ полное владѣніе; приходило такихъ выходцевъ много; всѣ они были латинской вѣры, и хотя назывались поляками, они однако, какъ чужестранцы, только о своей пользѣ думали и скоро стали считать только себя и рыцарство народомъ польскимъ, а простой народъ называли *быдломъ*, говоря, что это не люди, а рабочій скотъ. Православную вѣру они терпѣть не могли и называли ее, грѣхъ сказать!—«псина вѣра», т. е. «вѣра собачья». Короли имъ мирволили, и вотъ изъ этого-то разнаго сброду разумѣется вышло не настоящій славянскій народъ, а буйное скопище храбрыхъ, но отчаянныхъ людей, которые управляли всѣмъ, не слушались королей, и извѣстны подъ именемъ *пановъ*, или польскаго *шляхетства*: *рычи посполиты*. Они вмѣстѣ съ ксендзами, съ которыми они держались за одно, всячески старались совратить православныхъ князей, бояръ и народъ, а тѣхъ, кто не хотѣлъ приставать къ нимъ, преслѣдовали, мучили и убивали. Продолжалось это дѣльхъ 400 лѣтъ, а началось именно плѣномъ Свидригайла. Спасибо русскимъ царямъ, и особенно нашему благочестивому Государю Александру Николаевичу, освободившему русскій народъ: паны польскіе безвредны теперъ и такіе же простые помѣщики, какъ и всѣ русскіе.

Изъ этихъ пришельцевъ-рыцарей, латинствующихъ, былъ староста кременецкій, Конрадъ Франкельбергъ, и около девяти лѣтъ держалъ онъ въ дѣпяхъ, такъ сказать въ когтяхъ своихъ, князя литовскаго. Свидригайло, самъ по себѣ, былъ не далекій человекъ, очень вѣтренный, а тутъ, въ плѣну, пріучился сверхъ того пьянствовать съ рыцарями, составляющими гарнизонъ крѣпости и единственное общество моло-

даго, плѣннаго князя. Въ немъ только было одно хорошее: онъ крѣпко держался православной Церкви и знать не хотѣлъ ксендзовъ. За это русскіе на Волини и Подолии его любили и держались его, но не знали, какъ его освободить.

Между тѣмъ возмужалъ и окрѣпнулъ молодой Острожскій князь. Θεодоръ былъ не чета Свидригайлу. Умъ, познанія, военныя способности, строгая христіанская жизнь его, ставилъ его непомерно выше литовскаго князя; но онъ зналъ, какъ нужно было единство между русскими и зналъ, что не доускай Литвы слиться съ Польшей, отдѣльная Литва, можетъ слиться съ Русью.

Туда русскіе изъ Москвы и изъ Бѣлоруссіи уже занесли вѣру Христову православную. Св. Алексій митрополитъ ѣздилъ въ Вильну, освящалъ тамъ соборъ, давалъ совѣты и наставленія нашимъ русскимъ княгинямъ, которыя выходили за мужъ за князей-язычниковъ, и уже многіе изъ литовцевъ крестились отъ московскихъ священниковъ, выучивались по русски и принимали богослужебныя книги св. Кирилла и Меѳодія.

Тихо и терпѣливо, любовію и убѣжденіемъ работали русскіе на просвѣщеніе Христовымъ словомъ темныхъ людей на Литвѣ, по примѣру св. Апостоловъ Христовыхъ и св. Кирилла и Меѳодія. Литва могла сдѣлаться вполне русской и прибавить много силы Россіи, потому что литовцы были хотя дикій, но благородный и храбрый народъ. Съ другой стороны Литва, соединенная съ Польшей и совращенная въ римскій расколъ, какъ объ этомъ тогда уже старались поляки, могла быть очень-вредна Россіи.

Размысливъ такъ, князь Θεодоръ рѣшился поддержать Свидригайла, каковъ онъ ни былъ, чтобы крѣпче соединить всѣхъ князей литовскихъ и русскихъ и оба народа. Крѣпкой душой надумался святой князь, и съ этого часу рѣшился онъ о себѣ и о своемъ собственномъ величій не стараться и не думать никогда, а отдать себя всего на служеніе Церкви Божіей и Волини. Это было 1408 года, и Свидригайло уже девятый годъ сидѣлъ въ плѣну.

Князь Острожскій сговорился съ двумя вѣрными ему дворянами Димитріемъ и Геліатомъ (русскимъ и литовцемъ).

Они отправились одни предложить свои услуги кременецкому старостѣ Конраду. Онъ ихъ прінялъ вольнонаемными воинами въ крѣпость, по тогдашнему обычаю, и тамъ они притворялись такими же пустыми гуляками и веселыми товарищами, какъ другіе рыцари гарнизона. Но пили они осторожно, разума не теряли и все выглядывали и узнавали, какими дверями, да гдѣ и откуда, пустить на волю Свидригайла. Наконецъ, на Страстной недѣлѣ, въ великій четвергъ, въ темнотѣ ночи подѣхалъ подъ гору Кременша, съ отрядомъ пятьсотъ воиновъ, самъ князь Острожскій; тихо и осторожно, одинъ за другимъ, стали они подниматься въ разбродъ по скаламъ, а у одной изъ калитокъ, въ стѣнѣ крѣпости, былъ часовымъ въ эту ночь Геліатъ. Мало по малу сталъ онъ впускать вольноискыхъ воиновъ, и когда самъ князь Феодоръ взшелъ съ послѣдними изъ нихъ, вдругъ подняли они тревогу, зазвонили въ набатъ на колокольѣ, и съ крикомъ и шумомъ оружія, кинулись рускіе къ комнатамъ, гдѣ былъ запертъ Свидригайло; староста Конрадъ Франкельбергъ бросился защищать ходъ, но его скоро убили и отобрали ключи тюрьмы. Пробужденные со сна гарнизонъ польскій и комиссары Ягайла, растерялись въ суматохѣ. Кого перерѣзали, кого взяли въ плѣнъ, а рускіе охотно пристали къ своимъ. Все было кончено. Вскочившій со сна Свидригайло, при свѣтѣ зажженныхъ факеловъ, увидѣлъ себя окруженнымъ радостными лицами русскихъ воиновъ, привѣтствующихъ его съ возвращеніемъ на волю. Когда онъ успѣлъ опомниться, увидѣлъ онъ передъ собой рыцаря, въ простомъ вооруженіи, въ шлемѣ безъ украшеній; но высокій ростъ, величественная осанка и что-то повелительное въ выраженіи прекраснаго лица, ясно указывали, что онъ не простой воинъ; забрало шлема было поднято: твердость и отважность, сила молодости и здоровья, оживленность ума, сіяли на его высокомъ челѣ; но особенно привлекала и такъ сказать входила въ душу, чудная ясность и лучезарность его тихихъ глазъ: что-то кроткое и святое свѣтило въ нихъ; сквозь воинственное убранство, видѣнъ былъ Божій человекъ. Это былъ Феодоръ.

Онъ опустилъ мечъ свой передъ Свидригайломъ, и ска-

залъ ему, что онъ свободенъ, но здѣсь остаться теперь нельзя; совѣтовалъ перейти границу и пробраться къ Москвѣ, искать союза русскихъ, своихъ, заручаясь, что, если онъ захочетъ, то будетъ восточнымъ, православнымъ государемъ, на Волини и на всей кievской землѣ; что всѣ русскіе князья галицко-волинскіе готовы признать его великимъ княземъ Литвы и Руси. Некогда было долго толковать. Свидригайло обѣщался слѣдовать его совѣту, и оба князя, тихо пробираясь, спустился безъ шума въ прелестное ущелье, въ которомъ лежитъ теперь городъ Кременецъ. Тамъ ожидала конница; отъ нея отрядилъ Θεодоръ полтора вольнскихъ всадниковъ и, окруженный ими, съ радостной надеждой на будущее, Свидригайло ускакалъ черезъ границу въ Венгрію, а оттуда уже въ Москву.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ св. Θεодоръ вѣстей оттуда. Тамъ княжилъ тогда сынъ Димитрія Донскаго Василій и былъ великимъ княземъ всей сѣверной Руси. Увидавъ Свидригайла, съ шестью князьями литовскими и русскими, готовыми идти противъ захватовъ латнскихъ, и выслушавъ ихъ увѣренія, что войско Витовтово на половину перейдетъ на сторону Свидригайла, великій князь московскій было двинулъ свою армию до береговъ Угры (въ нынѣшней Калужской губерніи), а князь Острожскій, собравъ вольнскія войска, стоялъ на готовѣ. Но Витовтъ не допустилъ далѣе московскую рать. Свидригайло сталъ кутить и веселиться, вмѣсто того, чтобъ дѣло дѣлать; не умѣлъ во время поднять кievскихъ князей, и кончилось ничѣмъ для него. Витовтъ соглашался на миръ съ утвержденіемъ всякихъ льготъ для русскихъ въ Литвѣ и на Волини, съ уговоромъ не допускать никакихъ захватовъ латнскихъ, а Свидригайлу великій князь Василій далъ удѣлъ во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Грустно было святому Θεодору, что такъ неумно повелъ свое дѣло Свидригайло, но по крайней мѣрѣ Церковь русская была ограждена мирнымъ договоромъ Витовта, и надобно было довольствоваться этимъ до поры до времени. Онъ даже пошелъ съ королемъ Ягайломъ противъ иѣмецкихъ крестоносцевъ-рыцарей, рьяныхъ латннцъ, которые дѣлали безпрестанные набѣги на литовскую землю и на-

сильно крестили жмудянъ и чухонскихъ людей въ римскій расколъ. Въ великой битвѣ съ ними, при Грумвальдѣ, князю Θεодору съ другими начальниками отрядовъ, особенно поручено было сохранять самого Ягайла, и онъ много способствовалъ одержанію побѣды. Рыцари потерпѣли такое поражение, что съ тѣхъ поръ не могли оправиться и уже перестали быть опасными для Литвы. Такъ началъ святой князь исполнять свой обѣтъ противиться насилію латинства, гдѣ и кѣмъ бы оно ни совершалось. Послѣ этого похода настала мирная пора для Волыни. Но князь Θεодоръ не оставался безъ дѣла; онъ усиливалъ войско, выстроилъ новую каменную церковь Пречистенскую, которая и теперь еще стоитъ въ Острогѣ, поддерживалъ духовенство и, съ своей благочестивой княгиней Агаѳеѣй, усердно занимался воспитаніемъ дѣтей своихъ.

Особенно же старался старшаго сына своего, князя Василя, прозваннаго краснымъ, т. е. красавцемъ, готовить къ помощи и внушать ему твердость и осторожность противъ козей поляковъ, которые все продолжали свои происки. Около этого времени (1413 г.) придумали они снова скрѣпить союзъ Литвы съ Польшей, съѣхались польскій король и все литовскіе князья въ Городло, недалеко отъ города Владиміра волынскаго, и порѣшили тутъ, что не только въ союзъ будутъ, но что Литва и Польша составятъ одно государство, одинъ народъ, одно тѣло, и, послѣ смерти Витовта, признаютъ государемъ Ягайла, и его дѣтей. Литовское дворянство было сравнено съ польскимъ, подъ однимъ гербомъ; но только тѣ изъ нихъ, которые принимали латинство, а православнымъ людямъ запрещено было занимать высшія должности. Этимъ договоромъ Витовтъ и латинскіе литовцы крѣпко привязаны были къ Польшѣ, но за то всеѣмъ оторваны отъ русскихъ и отъ Кіева. Тѣ литовцы, которые пошли въ римскій расколъ, поставлены были въ положеніе господъ, а русскіе и все православные—въ положеніе рабовъ. Разумѣется, русскіе князья не могли на это добровольно согласиться, и св. князь Θεодоръ еще яснѣе прежняго увидѣлъ, какую гибель готовятъ латиняне кіевской Руси, если они и тамъ возьмутъ верхъ.

Въ это время услышалъ онъ дурныя вѣсти изъ Чехіи. Смуты за вѣру увеличивались тамъ, всякій день, и наконецъ Гусса изгнали изъ Праги. Изъ учениковъ его, всѣхъ ближе стоялъ къ нему *Иеронимъ пражскій*. Онъ такъ любилъ и почиталъ Гусса, что какбы слился душою съ нимъ; только Иеронимъ былъ моложе; нравъ его былъ болѣе пылкій, болѣе страстный. Онъ вызвался ѣхать въ Литву раззнать про Церковь русскую православную; пріѣхалъ онъ къ Витовту, который тогда отправлялся объѣзжать города русскіе, которые были захвачены литовцами, и взялъ Иеронима съ собою. Пріѣхали они въ Витебскъ, гдѣ литовцы уже успѣли выстроить костелъ, и поселить монаховъ-ксендзовъ. Широка въ Витебскѣ Двина; величаво и быстро течетъ она, какъ текутъ наши русскія рѣки, и, съ обѣихъ сторонъ, по берегамъ, красиво раскинулся городъ. Смотрѣлъ Иеронимъ и любовался, какъ стоятъ на горѣ два Божіе храма: одинъ православный монастырь, а другой—латинскій. Изъ того и изъ другаго вышли монахи встрѣчать князя литовскаго. Витовтъ ѣхалъ впереди на конѣ, покрытомъ латами; самъ онъ во всемъ вооруженіи, а за нимъ всадники-рыцари, вся его дружина, на борзыхъ коняхъ, въ военныхъ доспѣхахъ. Съ ними былъ и Иеронимъ. Какъ увидѣлъ онъ крестный ходъ изъ русской церкви, какъ услышалъ пѣніе молебное на славянскомъ языкѣ, потянуло его непреодолимой силою къ родному, святому богослуженію, и понялъ онъ, что вотъ она, та вѣра истинная, которой учили его предковъ св. Кириллъ и Меѳодій. Не колеблясь прісталъ Иеронимъ къ русскимъ инокамъ и, поклонясь святымъ мощамъ и иконамъ, которыя несли они, всенародно призналъ себя сыномъ православной Церкви. Съ ними воротился онъ въ православный русскій соборъ, удалился отъ латинскихъ монаховъ (францискановъ) и уговаривалъ Витовта отстать отъ латинянъ и принять вѣру своего народа и народа русскаго, которая истинная Христова вѣра (1). Хотя Витовтъ не послушался Иеронима, однако францискане припомнили ему это чрезъ три года на лжесоборѣ въ Констанцѣ. Иеронимъ успѣлъ еще съѣздить

(1) Акты констанцкаго собора (выписка Гильфердинга).

во Псковъ и, вполне увѣровавъ, съ радостію поѣхалъ назадъ въ Чехію, надѣясь весь народъ возвратитъ въ лоно древней Церкви своей православной. Однако Богу угодно было еще продлить на долгое время ихъ испытанія. Гусса ужь онъ не засталъ: онъ былъ вызванъ въ Констанць на судъ за мнимую ересь.

Тяжело было тѣмъ русскимъ, которые много надѣялись на воссоединеніе чеховъ, когда пришли скорбныя вѣсти изъ Праги; еще тяжелѣе было св. князю Θεодору, когда узналъ онъ въ слѣдующемъ году, что папа и латинскіе епископы не только возобновили проклятіе противъ Гусса, но приговорили его къ смерти и сожгли его какъ ересьарха, т. е. злаго раскольника-еретика; и что вслѣдъ за тѣмъ Іеронима, пріѣхавшаго послѣ въ Констанць, осудили тоже, за то, что онъ призналъ себя православнымъ въ Витебскѣ, не хотѣлъ пристать къ францисканцамъ, молился въ русскомъ соборѣ и совѣтовалъ Витовту не отставать отъ вѣры русскаго народа. На него доносили именно витебскіе францисканцы. Его тоже сожгли какъ Гусса, на кострѣ въ Констанць; но чехи не признавали этого несправедливаго суда. Въ Прагѣ совершенно перестали ходить въ костелы; Гусса считали святымъ мученикомъ за вѣру Христову и положили 6-го іюля праздновать его память.

Король чешскій Вячеславъ и королева его супруга Софія тоже не признали постановленій собора, не смотря на проклятіе папы. Тутъ братъ короля, императоръ нѣмецкій Сигизмундъ наконецъ угрозами заставилъ его согласиться и запереть Гуссову Виѣлеемскую часовню. Тогда почти весь народъ покинулъ Прагу и сталъ собираться для богослуженія, съ своими священниками, на окрестныхъ горахъ, которымъ они дали названія библейскихъ горъ, какъ напри- мѣръ, *Оаворъ*, *Хоривъ* и другія. По чешскому произношенію *Оаворъ* выговаривается *Таборъ*. На такъ названной *горѣ Таборъ*, около Праги, стало собираться до 24,000 народа, которому говорились проповѣди отъ утра до поздней ночи, такъ что народъ наконецъ не расходился, сталъ кочевать тутъ, а подъ конецъ и выстроилъ укрѣпленіе въ родѣ города. Вѣроятно отсюда произошло у насъ названіе *таборъ* для

кочевья, какъ на примѣръ говорится: цыганскій таборъ. Королю чешскому Вячеславу все это очень было прискорбно, потому что и онъ и королева Софія въ душѣ раздѣляли чувства народа и благоговѣли передъ памятью Гусса и Терннма; но у нихъ не было дѣтей, а императоръ Сигизмундъ былъ наслѣдникъ чешскаго королевства и держался римскаго раскола. Оттого король Вячеславъ колебался, не зная, на что рѣшиться, а сосѣдніе нѣмцы-латиняне собирались идти походомъ на чеховъ. Въ это время чехи уже взяли за оружіе и стали называться *гусситами*, т. е. *последователями Гусса*. Хотя это названіе не было справедливо, потому что кроткій, смиренный, христіанскій Гуссъ, никогда и не думалъ о войнѣ, но чехи были приведены въ отчаяніе, и они знали, что собственный король ихъ не былъ имъ противенъ, а только не рѣшался идти противъ своего брата.

Больше всѣхъ были озлоблены гусситы, которые поселились на горѣ Таборѣ и взяли къ себѣ начальникомъ—пражскаго гражданина *Яна Жижку*. Онъ былъ грозной натурности, кривой, потерявъ одинъ глазъ, и жестокаго нрава, но съ большими способностями военными и съ истиннымъ убѣжденіемъ въ справедливости дѣла чеховъ. Они крѣпко сомкнулись около него и скоро сдѣлались грозю враговъ своихъ подъ названіемъ таборитовъ, и были такъ увѣрены, что Жижка всегда ведетъ ихъ къ побѣдѣ, что послѣ его смерти они съ его трупа содрали часть кожи, которую натянули на барабанъ, чтобы раскаты барабана впереди ихъ войска, были какъ будто голосомъ его, призывающимъ къ бою и торжеству.

Къ довершенію неурядицы и междоусобій въ чешской землѣ, король Вячеславъ умеръ въ 1419 году. На первое время, такъ какъ наслѣдникъ королевства, императоръ Сигизмундъ, былъ въ отсутствіи, въ Германіи, то вдовствующая королева, Софія, взяла на себя управленіе. Много надѣялись на нее чехи, зная, какъ она любила своего бывшего духовника. Но на ихъ бѣду чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ она должна была передать власть Сигизмунду, который былъ человекъ невѣрный, совершенно опѣмеченный и окатоличенный. Онъ даже не пріѣхалъ въ Прагу, но остался въ Силезіи, и

вмѣсто того, чтобы разпросить и увѣщевать своихъ новыхъ подданныхъ,—чтобы разъяснить дѣло, онъ выпросилъ у папы еще новое проклятiе на нихъ. и сталъ собирать нѣмецкое войско. Съ своей стороны папа Мартинъ V (1420-го года) объявилъ *крестовый походъ* всего латинствующаго міра противъ чеховъ, и всюду сталъ разсылать проповѣдниковъ, которые возбуждали разные народы идти уничтожать славянъ, ищущихъ возврата къ своей древней Церкви. Къ такому грѣху довелъ римскій расколъ своихъ сторонниковъ, что они знаменiемъ креста и Христовымъ именемъ призывали христіанъ на христіанъ, проливать кровь тѣхъ, которые не признавали только свѣтскую власть папы и злоупотребленія его монаховъ, хотѣвшихъ ввести свои новыя какія-то правила.

Все, чего требовали чехи, заключалось въ 4-хъ пунктахъ: «1) Чтобы слово Божіе проповѣдывалось свободно, и богослуженіе было бы на родномъ языкѣ. 2) Чтобы св. Тайны раздавались всѣмъ христіанамъ, всѣхъ возрастовъ, подѣ обоими видами. 3) Чтобы духовенство отказалось отъ свѣтской власти и любостыжанія, и проводило жизнь по примѣру Христа и Его Апостоловъ. 4) Чтобы всѣ грѣхи и безпорядки противные Божескому закону, были искореняемы и уничтожаемы». Эти справедливыя, чисто-христіанскія требованія касались только ихъ вѣрованій, и ни въ чемъ не были противны законной власти короля. Но, къ несчастію чеховъ, Сигизмундъ былъ императоръ другой, болѣе обширной земли, Германіи, и, свыкшись съ своими нѣмцами; не хотѣлъ слушать чеховъ, точно также какъ Ягайло, царствуя въ Польшѣ, не хотѣлъ слушать справедливыхъ требованій литовцевъ и русскихъ. Сигизмундъ продолжалъ вооружать армію иностранцевъ противъ своихъ подданныхъ въ Вратславлѣ, и, созвавъ много князей и воеводъ нѣмецкихъ, для похода, велѣлъ сжечь на кострѣ чешскаго купца *Яна Краса*, находившагося тамъ по своимъ торговымъ дѣламъ; за то, что онъ призналъ себя послѣдователемъ Гусса.

Когда несчастные чехи увидѣли, что Сигизмундъ такой жестокой непріятель и хуже чужаго для нихъ, то они рѣшились не признавать его наслѣдникомъ и королемъ своимъ, а

нѣмецкому войску противиться. Озлобленные, ожесточенные, многіе ихъ отряды стали грабить и жечь церкви, монастыри и города, въ своемъ родномъ краю, безъ пощады, вездѣ, гдѣ были латиняне, а нѣмецкіе и подавно. Нѣмцы съ своей стороны дѣлали тоже, и эти сраженія остались на долгоужаснымъ воспоминаніемъ, подъ названіемъ *«гусситскихъ войнъ»*. Жижка, потерявшій и другой глазъ въ этихъ сраженіяхъ, однако, хотя слѣпой, командовалъ главными силами, и много разъ разбивалъ нѣмцевъ. Но все это ни къ чему не вело. Сигизмундъ и папа все проклинали и преслѣдовали чеховъ; а чехи и между собой раздѣлились.

Были у нихъ люди, въ большинствѣ даже, которые держались съ вѣрностію ученія Гусса и *4-хъ пунктовъ* (т. е., положеній), которыхъ они просили; и эти стали называться *чашниками* (отъ чаши, изъ которой они причащались по православному установленію, а не оплаткой, какъ римскіе католки); они даже на знамени парисовали чашу причастія. Эти чашники скорбѣли о раздѣленіи и безпорядкѣ въ краѣ, и наконецъ убѣдили и другихъ сойтися на совѣтъ въ г. чешскомъ Бродѣ, и рѣшиться избрать себѣ государя, такъ какъ Сигизмундъ обращался съ ними какъ съ чужими и врагами, а не съ подданными. Польша и Литва съ Русью были тогда сильныя государства, а отъ своихъ проповѣдниковъ знали чехи, что народъ тамъ родственнѣй, славянскій, и что многіе знатные люди принадлежатъ къ православной Церкви, а что въ кievской Руси всѣ причащаются изъ чаши и молятся по славянскимъ книгамъ св. Кирилла и Меѳодія.

Вотъ они рѣшили между собой просить помощи и избрать себѣ крадемъ Ягайла или Витовта. Поляки и ихъ духовенство, разумѣется, слышать не хотѣли объ этомъ, и императоръ Сигизмундъ съ своей стороны, какъ латинянинъ, всячески уговаривалъ ихъ не соглашаться, и самъ опять пошелъ на чеховъ войною. Но въ Литвѣ на это иначе смотрѣли; всѣ русскіе сожалѣли о положеніи чеховъ, а Витовтъ очень мало заботился о какой либо вѣрѣ, думая только о своихъ государственныхъ выгодахъ. Самъ онъ не рѣшился тотчасъ принять корону, но обѣщалъ отпустить охотниковъ,

если найдутся для вспомогательнаго войска, и вмѣсто себя, послать своимъ намѣстникомъ, молодаго племянника своего князя Сигизмунда Корибутовича.

Во всѣхъ этихъ переговорахъ, князь Феодоръ Острожскій принималъ главное участіе; онъ зналъ хорошо положеніе и вѣрованіе чеховъ; извѣстившись черезъ своихъ старыхъ друзей проповѣдниковъ объ истребительной войнѣ, чрезъ которую латиняне надѣялись утопить въ крови чеховъ ученіе Гусса и возвращеніе ихъ въ православную Церковь, онъ взялся опять за оружіе, исполняя святой обѣтъ: «всегда и всюду, гдѣ Богъ укажетъ ему случай, бороться и защищать Церковь православную противъ римскаго раскола». Онъ собралъ рать на Волыни изъ своихъ людей и охотниковъ русскихъ и литовскихъ, и съ сильнымъ отрядомъ вышелъ въ Краковъ, гдѣ Корибутовичъ составлялъ армію изъ охотниковъ (волонтеровъ). Молодому и неопытному князю Корибутовичу былъ драгоцѣненъ такой сподвижникъ, какъ князь Феодоръ, закаленный въ бояхъ воинъ, мудрый правитель, доблестный христіанинъ, опытный въ дѣлахъ Церкви и въ дѣлахъ государственныхъ, коротко знакомый съ стремленіями и надеждами гусситовъ.

Князья отправились въ Моравію со своей маленькой арміей (5,000 человекъ). И радостно и больно было Феодору въ этой древней епархіи св. Меѳодія: радостно вспоминать, какъ св. братья Кириллъ и Меѳодій тамъ жили, учили, проповѣдывали и большую часть своихъ книгъ перевели, ради просвѣщенія нашего, всѣхъ насъ, славянъ; а больно было смотрѣть, какъ успѣли латиняне истребить всякій слѣдъ православія, и какъ жестоко тамъ нападали на чеховъ, желающихъ возвратиться на путь истины. Больно было видѣть, что и моравляне и чехи уже раздѣлились на разные толки, и другъ съ другомъ ссорились. Какъ явились русско-литовскіе князья, эти сторонники разныхъ толковъ однако соединились, и императоръ Сигизмундъ, отступивъ предъ ними, очистилъ край, и 16-го мая 1422 года, Корибутовичъ съ княземъ Острожскимъ и другими начальниками войскъ, вступили въ Прагу, гдѣ скоро соединился съ ними и побѣдоносный вождь чеховъ, слѣпой Янъ Жижка, и призналъ его

правителемъ земли чешской. Руководимый св. Теодоромъ, молодой правитель возстановилъ порядокъ въ Прагѣ, повелъ удачную войну противъ императора и сталъ искать средства къ примиренію между всѣми чехами разныхъ толковъ по вѣрѣ, держась самъ стороны чашниковъ, которые были многочисленны, и ближе къ православію.

Но императоръ Сигизмундъ, видя себя побѣжденнымъ, опять сталъ созывать нѣмецкихъ князей на помощь и, своими происками, такъ подѣйствовалъ на Ягайла и на Витовта, что они отозвали Корибутовича, который 24-го декабря того же года неохотно оставилъ Прагу.

Однако князь Теодоръ не покидалъ надежды возвращенія. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ годъ, когда императоръ, при свиданіи съ Ягайломъ и Витовтомъ въ Краковѣ, склонилъ ихъ объявить войну чехамъ, Корибутовичъ уже самъ отъ себя, отправился назадъ въ Прагу, и охотники, которыхъ латиняне думали собрать для себя, вмѣсто того подъ предводительствомъ князя Острожскаго пошли всѣ къ Корибутовичу; Жижка присталъ къ нему же, и общей ратью направилсь на встрѣчу враговъ въ Моравіи. Тутъ, на дорогѣ, умеръ знаменитый вождь гусситскій Жижка (отъ болѣзни), но тѣмъ не менѣе чехи съ ихъ союзною ратью русско-литовскою всюду побѣждали, и черезъ четыре года казалось, что наконецъ будетъ миръ. Князь Теодоръ Острожскій воротился на Волынь, но, къ несчастію, молодой правитель, Корибутовичъ, думалъ, что можно дѣло уладить съ римскимъ папою, что онъ признаетъ четыре пункта, просимые чехами, и что всѣ распри кончатся; онъ вступилъ въ переговоры съ папою Мартиномъ V, но какъ скоро чехи узнали это, они заподозрили Корибутовича въ измѣнѣ, схватили его и заперли въ крѣпость;—черезъ нѣсколько мѣсяцевъ однако выпустили его, но потеряли къ нему довѣріе, и онъ воротился въ Литву.

Однако чехи такъ окрѣпли, что война продолжалась усѣбно, и наконецъ папа и латиняне созвали новый соборъ въ Базелѣ (въ Швейцаріи) 1433, и звали чеховъ, *не какъ обвиненныхъ на судъ, а какъ сильныхъ противниковъ, для переговоровъ* о примиреніи между нѣмцами и ими; и когда

ихъ посольство пріѣхало вооруженное, на 300 лошадахъ; на соборъ, латиняне согласились признать четыре пункта, ими потребованные, и папа благословилъ на этотъ разъ, передъ кровавой силой, все тѣ вѣрованія, которыя были прокляты въ смиренномъ, чистомъ, святомъ исповѣдникѣ Гуссѣ!—Вотъ до чего довелъ римскій расколъ, о свѣтской власти и непогрѣшимости папы: до проклятія невинныхъ, но слабыхъ, и благословенія сильныхъ, даже обагренныхъ кровію, неразборчивыхъ въ средствахъ къ побѣдѣ!

Грустно было св. Теодору видѣть, что противъ козней латинянъ нужно было употреблять только силу оружія, и онъ тѣмъ болѣе старался приготовить все для борьбы на Русі. Вольшскій отрядъ, съ которымъ онъ поддержалъ чеховъ и побѣждалъ съ ними, сдѣлался крѣпкой ратью, закаленною въ бояхъ, готовою на всякое военное дѣло и непримиримо враждебною латинству. Воротясь съ нею въ свою землю, онъ ввелъ въ обычай особый строй военныхъ дѣйствій, называемый *таборомъ* (отъ таборитовъ, которые его придумали); и которымъ долго и долго послѣ славились казаки малороссійскіе.

Такъ исполнилъ во второй разъ обѣтъ свой передъ Господомъ св. князь Теодоръ. Это было въ 1429 году. Три года отдыхалъ онъ дома среди дорогаго ему, достойнаго его, семейства. За труды его о православной братіи и за труды его о воспитаніи дѣтей своихъ, да за любовь и взаимное уваженіе другъ къ другу его и его княгини, благословилъ его Господь въ его сынѣ и наслѣдникѣ князѣ Василіѣ; а для сердца отца, будь онъ царь или бѣднякъ, нѣтъ лучшей награды, нѣтъ дороже радости, какъ видѣть достойнаго себя сына. Княгиня Агаѳія, оставаясь часто одна съ дѣтьми, во время долговременныхъ походовъ супруга, много и разумно, особенно богобоязненно, заботилась о томъ, чтобы учить ихъ всему доброму и непрестанно ставить имъ въ примѣръ отца ихъ, князя Теодора. Когда онъ самъ былъ съ ними, княгиня Агаѳія не суетилась и не выставляла себя впередъ,—зная, что мужъ глава семейства, и что такъ женщина ни умна, все таки мужъ, умный, лучше умѣетъ вести сыновей и дѣла свои, а женѣ довольно хлопотъ не-

полнять его соображенія и надсматривать надъ домою, да, въ хорошихъ книгахъ и назидательныхъ бесѣдахъ, учиться понимать и любить все то, что занимаетъ и о чемъ трудится мужъ, и такимъ образомъ быть ему истинной подругой и помощницей, какъ самъ Господь указалъ, съ сотворенія міра. Такимъ образомъ, всегда дружно работали, всякій по своей части, Острожскій князь и его супруга; а старшій сынъ подросталъ, и съ радостію повиновался и учился у родителей, слѣдуя ихъ примѣру согласія и любви.

Еще разъ вызвали князя Θεодора на помощь къ чехамъ въ 1430 году на походѣ въ Силезію, но въ это самое время умеръ князь Витовтъ, и св. Θεодоръ спѣшилъ назадъ на родину для крайне важнаго дѣла, избранія великаго князя на престолъ литовскій, на который русскіе не хотѣли признавать права за Ягайломъ. Русскіе и литовцы выбрали на великое княжество Свидригайла, за его русское воспитаніе и вѣрность православію, котораго крѣпко держалась и его княгиня. Проученные примѣромъ Чехин и Жмуди, князья и народъ кievской Руси больше всего дорожили православіемъ въ государѣ своемъ, и прощали Свидригайлу всѣ его пороки, лишь бы защищалъ ихъ Церковь.

Ягайло, увидавъ, что ихъ не скоро сломишь, самъ согласился на избраніе брата и долго у него гостилъ и веселился; но поляки и ксендзы не могли видѣть равнодушно, и заставивъ Ягайла возвратиться въ Краковъ, объявили чрезъ папу римскаго такой же крестовый походъ на русскихъ, какъ на чеховъ, и направились на Вольшь и на Подолье; выбравъ въ то же время, черезъ жмудиинъ, другаго великаго князя литовскаго: Жигимонта Кейстутовича, роднаго брата Витовтова, кровожаднаго, полудикаго князя, преданнаго римскому расколу,—который ради благословенія ксендзовъ предалъ полякамъ Литву и тѣ русскія мѣста, которыя находились подъ властію его, подписавъ еще разъ договоръ въ Городлѣ, по которому уступалъ Польшѣ (17-го октября 1432) владимірскую и луцкую области на Вольши съ городомъ Городло и другими.

Въ это бѣдственное время князь Θεодоръ Острожскій, князь всѣхъ вождей Литвы и Руси, мужъ великой смѣло-

«сп, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ и уваженіемъ въ войскахъ», (какъ объ немъ говорили сами поляки), взялъ въ свои руки дѣло Свидригайла и вступилъ въ Подолье; захваченное поляками; тѣснили его превосходныя силы польскія, однако его умѣнье было выше ихъ, отборная рать его была опытнѣй въ военномъ искусствѣ отъ долгаго навыка въ Чехіи; онъ разбилъ и выгналъ поляковъ изъ всѣхъ городовъ, занятыхъ ими, и все Подолье «вырвалъ у поляковъ» (1) и возвратилъ русскимъ; тогда Ягайло разъярился «какъ левъ», и послалъ еще сильнѣйшее войско на Подолье, подъ командою польскаго военачальника Яна Менджика и другихъ.

Это было уже осенью. Искусный и осторожный князь Феодоръ не бросился вдругъ на это свѣжее войско, но, «по русскому обычаю» (2) сталъ отступать терпѣливо и медленно, разчитывая на позднее время года, и заманивая неприятеля въ глубинну страны, далеко отъ границы и вспомошествованія отъ своихъ земляковъ. Это было въ ноябрѣ; стужа становилась порядочная, и поляки, утомленные долгимъ походомъ, и наступленіемъ на русскихъ, которые все отклоняли битву, уже рѣшились разойтись по домамъ. Они думали напасть на русскихъ въ расплохъ, разбить ихъ скоро и воротиться съ добычей, и ничего не приготовили себѣ теплаго; зябли они, изнурились, да еще попали въ болота около Морахвы (или Мурафы) рѣки, которая впадаетъ въ Днѣстръ.

Теперь ужъ поляки начали отступать, а князь Феодоръ шелъ за ними по пятамъ, выжидая только случая; быстро обошелъ ихъ лѣсомъ, и засѣлъ на другомъ берегу Морахвы около Копострина, скрываясь съ войскомъ въ густой рошѣ. Рѣка только что замерзла, и поляки стали ее переходить. Когда увидѣлъ князь Феодоръ, что уже много ихъ тянется черезъ рѣку, и не могутъ они на тонкомъ льду большимъ числомъ или плотно стоять, а должны постепенно подниматься на берегъ, онъ выстроилъ свою рать противъ нихъ. Пораженныя неожиданностію, они смѣшались, кинулись въ разныя стороны, побросали свои повозки, карабкались на берегъ и, отовсюду встрѣчая русскихъ, которые какъ будто изъ земли

(1) Древній летописецъ южно-русскій.

(2) Зубрицкій.

выростали около лѣсу, погнбали въ рѣкѣ или падали раненные въ болотахъ, или были зарѣзаны и застрѣлены. Двадцать тысячъ поляковъ положилъ на мѣстѣ князь Острожскій, — одной шляхты или рыцарей пало 400 человекъ.

Но съ войскомъ русскимъ были и союзные татары изъ Крыма, и валахи (или бессарабы), которые стали заниматься грабежемъ на задахъ побѣжденнаго войска; на нихъ напалъ съ тылу (т. е. сзади), свѣжій отрядъ польскій, и привелъ ихъ въ замѣшательство, такъ что изъ осторожности; чтобъ возстановить порядокъ, князь прекратилъ преслѣдованіе, и остатки поляковъ могли, въ маломъ числѣ, добраться до границы и воротиться въ свое отечество. Эта славная побѣда на Морахвѣ у Копостырина (въ концѣ 1432 года), была бѣ еще рѣшительнѣе, еслибъ не было вспомогательнаго войска татарскаго и бессарабскаго. Говорится, что ложка дегтю въ бочкѣ меду заражаетъ и портитъ весь медъ; такъ точно и сближеніе съ печестивыми татарами и разными разбойниками — часто мѣшало полному успѣху нашихъ войскъ и разоряло самый край нашъ родной, который мы отстаивали. Прискорбно становится, какъ подумаешь: какой уже сдѣлался обычай призывать татаръ въ союзъ, не только противъ поляковъ, но и когда русскіе ссорились между собою; и какъ уже не обращали вниманія на то, что они какъ иностранцы и иновѣрцы, да еще полудикіе, не жалѣли ни земли русской, ни жителей, и дѣлали ужасы, да еще ослабляли русскихъ, въ пользу своего хапа, разъединяя, истребляя ихъ другъ другомъ. Даже такой умный и святой человекъ, какъ князь Теодоръ, и тотъ впадалъ въ этотъ грѣхъ. Поистинѣ, и нѣтъ человека безъ грѣха и не бывало, кромѣ одного Богочеловѣка Иисуса Христа! Такъ много значитъ злой обычай своего времени, что и самые великіе угодники Господни иногда незамѣтно увлекаются имъ, особенно въ дѣлахъ государственнаго управленія и войны. Но они потомъ сознаютъ свою ошибку, каются въ ней, и не впадаютъ больше въ нее.

Князь Теодоръ перезимовалъ въ окрестностяхъ, и весною, какъ только начались опять дѣйствія, онъ быстро выступилъ назадъ на Вольшь и, отнявъ у поляковъ столицный

городъ тогдашній *Луцкъ*, сильно укрѣпленный, возвратилъ его Свидригайлу, а самъ съ своими острожанами опять пошелъ подъ стѣны главнаго города подольскаго *Каменца*. Эта крѣпость была очень сильная, и старостою въ пей (или комендантомъ) былъ знаменитый военачальникъ, блистательный, молодой рыцарь Теодорикъ Буцацкій. Князь Теодоръ опять сдѣлалъ засаду певдалекѣ, — а на самую крѣпость не нападалъ, чтобъ не проливать больше крови, чѣмъ необходимо, ибо на приступѣ всегда бываетъ много убитыхъ, да и взявши приступомъ городъ, не удержишь разъяренныхъ солдатъ отъ грабежа и насилія; и такимъ образомъ бѣдные, безоружные жители страдаютъ. Къ тому же въ Каменцѣ жители-то всѣ были русскіе, только захваченные поляками во время войны. Вотъ князь Острожскій и сталъ высылать маленькіе отряды подъ стѣны крѣпости, нападать на сосѣднія слободы да на передовыя войска Буцацкаго, чтобы раздражить непріятеля и выманить его въ открытое поле, подалше отъ укрѣпленій.

Буцацкій не понявъ этой военной хитрости, вышелъ изъ города со своимъ войскомъ и погнался за летучими отрядами, которые побѣжали, да прямо въ ближайшія горы, въ которыхъ скрывался князь Теодоръ въ засадѣ съ своей отборной ратью. Буцацкій вдругъ очутился передъ русскимъ войскомъ, отрѣзанный отъ крѣпости, окруженный со всѣхъ сторонъ, въ ущельи, и отчаянно отбиваясь, раненый, по живой, попался въ плѣнъ Теодору, который отправилъ его къ Свидригайлу, а самъ немедленно пошелъ къ Каменцу, в безъ большаго кровопролитія овладѣлъ имъ. Поляковъ оставалось тамъ не много, а русскіе жители примкнули, разумѣется, къ своимъ, какъ освободителямъ. Оставивъ сильный отрядъ въ ихъ защитѣ, св. Теодоръ, очистивъ такимъ образомъ Подолье, пошелъ опять на Волынь къ г. Владиміру; нашелъ тутъ военачальника Свидригайлова, который осаждалъ Брестъ-литовскій. Крѣпости этой однако они не успѣли взять, а ударивъ на польскія новыя войска, пришедшія отъ Ягайла, князь Теодоръ разбилъ ихъ, прогналъ за рѣку Бугъ, и освободилъ всю русско-литовскую землю для Свидригайла.

Вслѣдствіе этихъ блистательныхъ побѣдъ князя Теодора, король Ягайло былъ принужденъ признать вольности русскихъ, и объявивъ свободу православной Церкви на Волыни, сравнилъ русское дворянство съ польскимъ въ правахъ и преимуществахъ, и обязался оставить безъ исполненія всѣ замыслы враждебные православію; призналъ великимъ княземъ Свидригайла, который и поселился въ Луцкѣ, господствуя на всей южной Руси, между тѣмъ какъ Жигимонтъ держался въ сѣверной Литвѣ и Жмуди.

Однако Брацлавъ еще находился въ рукахъ поляковъ, и князь Теодоръ опять отправился туда, и во второй разъ взялъ городъ и отдалъ Свидригайлу. Въ это время умеръ Ягайло. На престолъ польскій вступилъ сынъ его, малолѣтній Владиславъ (1434). Свидригайло считалъ свои права уже довольно утвержденными, и бросился опять въ прежнюю разгульную жизнь, веселясь и упиваясь съ своими рыцарями, между тѣмъ какъ за него работалъ и побѣждалъ на Подольи святой Острожскій князь; народъ смотрѣлъ съ благоговѣніемъ и любовью на несокрушимую твердость, неутомимую дѣятельность и чистую, богобоязненную жизнь Теодора. Онъ достигъ уже такихъ лѣтъ, когда всѣ силы тѣлесныя еще вполне сохраняются, а душа и умъ закалены трудами и опытностію, и когда Господь кладетъ на лице своихъ избранныхъ какую-то особую печать нравственнаго величія, вмѣстѣ краткаго и повелительнаго. То слѣды много-испытанной, обуреваемой въ мірѣ, но побѣдившей мірѣ, жизни; выраженіе глубокаго познанія человѣческихъ добродѣтелей и человѣческихъ ошибокъ, снисхожденія къ ближнему и строгости къ себѣ; это плоды долгой и доброй житейской борьбы. Таковъ конечно явился праотецъ Іаковъ, послѣ таинственной борьбы своей; таковъ былъ князь Теодоръ Острожскій. Народъ русскій видѣлъ въ немъ высокій примѣръ христіанскаго владѣтеля и воина, и не скрывалъ преданности и довѣрія къ нему. Случалось и сравнивать его строгую, святую жизнь съ разнузданностію Свидригайла, любвеобильную доброту— съ суровостію Свидригайла; случалось и вспоминать, что этотъ все таки литовецъ, а Острожскій князь русской крови, потомокъ святыхъ князей, крестившихъ и возвеличившихъ Россію.

Пересказывали эти похвалы Свидригайлу, пересказывали ему и то, что князь Острожскій—живый упрекъ ему, сидитъ и управляетъ всѣмъ Подольемъ, и, пожалуй, станетъ сильнѣй и любимѣй его самого.—Клевета хитра и всему умѣетъ придать злобный видъ;—а человекъ, у кого у самого не чиста совѣсть, радъ вѣрить, что и у другихъ она грязна. Вотъ и взволновался Свидригайло, заподозрѣвъ святаго князя въ намѣреніи вступить на престоль Кіевскій, такъ какъ онъ природный русскій князь и потомокъ святаго Владиміра. Позабывъ всю его вѣрность и самоотверженіе, Свидригайло вдругъ бросился съ войскомъ въ Подолье, напалъ въ распахъ на Θεодора и, захвативъ его, заключилъ въ тюрьму. Кого любить Господь, того испытуетъ. Тяжело было это испытаніе святому князю. Неблагодарность и предательство всегда тяжело выносить, а тутъ была неблагодарность того самого великаго князя, котораго онъ освободилъ изъ плѣна, наставилъ на путь къ успѣху; къ избранію котораго онъ такъ много содѣйствовалъ; за котораго онъ проливалъ кровь свою и своихъ волюнѣй, для котораго онъ завоевалъ лучшія области его владѣній!—Но тяжелѣй еще было видѣть, какой ненадежный, распутный и легкомысленный человекъ оказывается князь, избранный государемъ для кіевской Руси, на котораго основались надежды народа.—Глубоко скорбны были думы князя Θεодора въ своей темницѣ, но не оскудѣла его вѣра, въ часъ горькаго испытанія, и не закоснѣла помощь отъ Господа.

Еще не успѣло семейство его узнать о предательствѣ Свидригайла, какъ вольняне и подоляне подняли мятежъ и соединились съ польскими войсками, находившимися въ содѣствѣ, ударили на Свидригайла, принудили его отступить, и освободили своего любимаго православнаго князя Θεодора (1435 года).

Обрадованные поляки спѣшили именованъ короля Владислава, признать за нимъ все его Острожское княжество и наслѣдственныя имѣнія Збаражъ, Винницу, и проч., и даже оставили въ пожизненное владѣніе его, Брацлавъ и Каменецъ-подольскъ. Но въ томъ же году, надѣясь на ссору его съ Свидригайломъ, латиняне вздумали опять выдвинуть своего

князя Жигимонта Кейстутовича, и совѣтовать ему требовать свои права на южную Русь, на всѣ земли признающія главенство литовскаго княжества. Пришлось дать ему отпоръ. Какъ ни былъ оскорбленъ св. Θεодоръ, какъ онъ ни пострадалъ отъ Свидригайла, онъ однако все простилъ, все забылъ, какъ истинный христіанинъ; и, помнящая обѣтъ юности своей: «всегда и всюду защищать православную Церковь отъ римскаго раскола», опять всталъ Острожскій князь съ своею доблестной ратью; онъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ, бывшимъ правителемъ Чехи—Корибутовичемъ, созвалъ многочисленный отрядъ гусенцовъ изъ Силезіи и Моравіи, (они считались въ то время лучшими военными людьми въ Европѣ); съ этою отборною силою явился онъ въ лагерь неблагодарнаго Свидригайла, куда стеклося болѣе сорока литовско-русскихъ князей съ своими ополченіями, и многочисленное тверское войско.—Даже магистръ ливонскій былъ тутъ съ своими рыцарями и наемнымъ нѣмецкимъ войскомъ.—Огромная армія выступила изъ Витебска, чтобы идти на Вильну, не дожидаясь нападенія Жигимонта. Но этимъ безчисленнымъ ополченіемъ предводительствовалъ не князь Острожскій, а бездарный, вѣтренный Свидригайло, и само войско разнородное, не свыкшееся другъ съ другомъ, не имѣло единства ни вишняго, ни внутренняго; шло оно въ безпорядкѣ по краю лѣсистому и болотистому, и на дорогѣ, около Вилькомира, встрѣтилось съ ополченіемъ жмудскимъ, подъ предводительствомъ князя литовскаго; Михаила.

Битва была ужасная; передовое войско смѣшалось; напрасно подшедшій съ своими испытанными воинами князь Острожскій силился возстановить порядокъ, храбрость уже не помогала. Магистръ ливонскій, пареченный чешскій король, Корибутовичъ, и болѣе 10 князей русскихъ, пали убитыми, а Свидригайло бѣжалъ въ Валахію, оставивъ и войско и союзниковъ и народъ русскій на произволъ судьбы. Однимъ словомъ, русско-ливонская армія была разбита наголову. Жигимонтъ Кейстутовичъ окончательно утвердился на литовскомъ престолѣ.—Св. князь Θεодоръ съ трудомъ пробился сквозь непріятельскія силы, и довелъ остатки своей храброй дружины на Вольнь.

Латиняны торжествовали, вполнѣ; русскіе унывали, а Жигимонтъ Кейстутовичъ неистовствовалъ и преслѣдовалъ все православное и честное на Руси. Князь Θεодоръ смутился духомъ; сталъ думать онъ: «можетъ быть такое Божіе поущеніе, что Руси суждено погибнуть на вѣки?» Польша брала верхъ и надъ Литвою, а Литва все болѣе и болѣе захватывала русскіхъ земель даже на сѣверѣ. Московскій великій князь Василій Дмитріевичъ умеръ, а сынъ его, молодой, неопытный, боролся то съ Новгородомъ, то съ удѣльными князьями. Междоусобія раздирали тверскую и рязанскую область. Къ великой и неутѣшной скорби своей, Θεодоръ нигдѣ не видѣлъ опоры для Руси.

А въ это самое время, на далекомъ сѣверѣ, въ Москвѣ, родился на свѣтъ младенецъ, которому Господь вручилъ судьбы Россіи,—который долженъ былъ собрать все силы русскія, и поставить Москву крѣпкимъ оплотомъ противъ, Польши, и противъ латинства. Этотъ младенецъ, сынъ Василія Васильевича темнаго, былъ Іоаннъ Васильевичъ великій, родившійся въ 1440 году.

Такъ бываетъ съ нами часто. Самые лучшіе и святые люди теряютъ надежду на будущее земли родной, сомнѣваются въ возможности избавленія отъ столькихъ золъ, и по человѣческому разсудку, въ самомъ дѣлѣ, исхода нѣтъ;—потому что человѣкъ не видитъ тайныхъ путей промысла Божія; не можетъ угадать неожиданныхъ способовъ къ избавленію, которыя уже готовятъ, невидимо для насъ, Господь!—Мы здѣсь (на землѣ) *впрюю ходимъ, а не видѣнемъ* (2 Кор. 5, 7), какъ сказалъ апостолъ Павелъ, и только вѣра можетъ даровать намъ и твердость и терпѣніе, съ которыми, какъ бы ни было намъ тяжело и трудно, мы все такіе можемъ исполнять наши обязанности и дѣлать наше дѣло, какое намъ указано, оставляя Богу заботу о будущемъ, поминая, что *довольно заботы и работъ земныхъ, въ настоящемъ времени; что все доброе, содѣланное нынѣ, есть сѣмя, брошенное въ землю, и выростетъ въ добрый плодъ, когда настанетъ время, назначенное Господомъ, хотя быть можетъ и совсѣмъ иначе созрѣетъ оно, нежели мы думаемъ и гадаемъ.*

Такъ было и тогда, и св. Θεодоръ смирился предъ волей Господней, уединившись въ свое семейство, въ городъ Острогъ, и терпѣливо выносилъ тяготу времени, и новыя испытанія, набѣгъ татаръ и дикія насилія Жигимонта съ его ксендзами. Разумѣется, самаго острожскаго княжества не трогали,—они слишкомъ боялись Θεодора; но въ литвѣ, гоненіе на православныхъ увеличивалось всякій день, и введена была тамъ *инквизиція*, т. е. духовный судъ латинскій тайный, который имѣлъ полную власть обвинять, отыскивать и наказывать мученіями и даже смертію, всѣхъ, кто не принималъ римскаго раскола.

Жестокости Жигимонта вооружили противъ него даже его бывшихъ сторонниковъ. Онъ подозрѣвалъ и удалялъ всѣхъ даже близкихъ своихъ вельможъ; довѣрялъ самымъ коварнымъ людямъ, и даже изъ животныхъ держалъ у себя, дикаго звѣря—медвѣдицу, какъ другіе держатъ собаку или кошку. Наконецъ его же бояре сдѣлали заговоръ, чтобъ его убить, и русскій князь Александръ Чарторыжскій отправился въ Троки, съ отрядомъ войска, спрятаннаго въ повозкахъ; онъ вошелъ потихонько во дворецъ, и узнавъ, что Жигимонтъ слушаетъ миссу (латинскую обѣдню) подлѣ церкви изъ залы, которой двери заперты; онъ сталъ осматривать мѣстность и увидѣлъ, что любимая медвѣдица Жигимонтова гуляетъ по двору; а онъ зналъ, что у нея привычка, когда воротится съ прогулки, царапать у дверей. Чарторыжскій сталъ подражать ей, царапать у двери. Жигимонтъ отворилъ дверь, а Чарторыжскій съ другимъ заговорщикомъ кинулись на него и убили.

Когда разнеслась эта вѣсть, литовцы и русскіе наконецъ поняли, какъ пужно было единство и согласіе между ними, чтобы не отдать себя на жертву полякамъ. Всѣ собрались на сеймъ и рѣшили избрать самостоятельнаго великаго князя, помимо короля польскаго, Владислава Ягайловича, который былъ вмѣстѣ и венгерскимъ королемъ.—Наши предки видѣли весь вредъ соединенія нѣсколькихъ державъ подъ однимъ государемъ, и всѣми силами старались отмѣнить такой порядокъ вещей. Князь Θεодоръ опять вздохнулъ свободнѣй, и спѣшилъ со своимъ сыномъ Василиемъ на избирательный сеймъ.

Василія оиъ уже нѣсколько лѣтъ посылалъ вмѣсто себѣ въ посольства, на совѣщанія и на переговоры, радуясь его мудрости и умѣренности въ лѣтахъ еще молодыхъ. На этомъ сеймѣ, уже Θεодоръ не подавалъ голоса за Свидригайла, который бросилъ свой народъ послѣ несчастной битвы и скрывался въ Валахїи, гдѣ нѣсколько лѣтъ пасъ стадо въ одеждѣ пастуха.

Во время сейма получили извѣстіе, что поляки, считая себя повелителями Литвы, опять признали Владислава за великаго князя, и отъ его имени назначили намѣстника, малолѣтняго брата его *Казимира*, а при немъ — распорядительный совѣтъ изъ поляковъ. — Святый Θεодоръ понялъ, какъ важно было не допускать этихъ польскихъ совѣтниковъ, и, поддержанный своимъ молодымъ сыномъ (Василіемъ), оиъ провелъ такую мысль на сеймѣ: что выбрать слѣдуетъ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ великимъ княземъ на Литвѣ и кїевской Руси — того же самаго Казимира, но не допускать поляковъ съ нимъ, а окружить его русско-литовскими людьми, и воспитать въ любви и уваженїи къ своему народу.

Отправили выборныхъ въ Краковъ за Казимиромъ; между ними и Василій красный находился. Король Владиславъ не былъ особенно властолюбивъ, и больше всего былъ занятъ мыслию о военной славѣ, и отгѣсненїи турокъ изъ греческаго царства, которое они наводняли и грозили Венгріи и всѣмъ христіанскимъ государствамъ. Оиъ не препятствовалъ избранію брата на Литовскій престолъ; но польская шляхта (рѣчь посполитая) пришла въ негодованіе, — видя, что ея планы захватить Литву и Русь опять разрушаются. Пришлось хитростью увезти молодаго Казимира: оиъ выѣхалъ съ русско-литовскими выборными будто бы на охоту, а вмѣсто того прїѣхалъ съ ними въ Вильну, гдѣ былъ торжественно провозглашенъ великимъ княземъ Литвы и Руси, и окруженъ лучшими людьми обѣихъ народностей. Полное согласіе, полное довѣріе возстановилось между всѣми подданными его; оиъ возвратилъ и стараго Свидригайла, отдавши ему во владѣніе Луцкъ съ сѣверной частью Волиши; а св. князю Θεодору назначилъ остальную Волишь — на правахъ своего намѣстника.

Владиславъ съ своей стороны не заявлялъ никакихъ спе-

ровъ; напротивъ, издалъ даже грамоту, по которой уравнивалъ латинянъ и православныхъ во всѣхъ правахъ. Инквизиція замолчала, монахи францисканы и ксендзы притихли. Все дышало миромъ, Русь отдыхала.

Пора было на отдыхъ и св. князю Острожскому. Утомленный трудами, государственными и военными, утомленный славою и побѣдою, утомленный тревоженіями жизни, онъ видѣлъ въ своемъ, красавицѣ, сынѣ — мудрость, твердость и искусство въ дѣлахъ, правленія, и могъ спокойно передать ему на сохраненіе два сокровища, ввѣренные ему Богомъ: неприкосновенность правъ Церкви Божіей и самостоятельное процвѣтаніе народности русской. Онъ зналъ, что, сложивъ съ себя заботу о нихъ, оставлялъ ихъ въ крѣпкихъ и вѣрныхъ рукахъ Василия. Меньшой, сынъ его, Даніилъ, жилъ дружно съ братомъ и старался подражать ему во всемъ хорошемъ.

Князь Θεодоръ пошелъ къ своей любезной княгинѣ Агаѳинѣ. Жизнь прожили они вмѣстѣ, въ совѣтѣ и любви, какъ подобаеть супругамъ христіанамъ; часто имъ приходилось быть въ разлукѣ, во время дальнихъ и долгихъ походовъ князя, но Богъ всегда приводилъ ихъ свидѣться въ неизмѣнной любви. Теперь совѣтовались они вмѣстѣ въ послѣдній разъ и рѣшились на послѣднюю разлuku на землѣ. Много трудились они и дружно для дѣтей своихъ, для русскихъ людей — ихъ подданныхъ; для убогихъ, и для сиротъ, и старались о храмахъ Божіихъ. Дожили они до лѣтъ преклонныхъ, и до мирной поры на Руси. Какъ ни свято старались они жить, безпорочно и безупречно передъ людьми и совѣстію, все же передъ Богомъ не могли они быть безъ грѣха. Паденія, ошибки, грѣхъ на каждомъ челоуѣкѣ живутъ, и самые величайшіе угодники Божіи подвержены грѣхопаденіямъ, волю или неволю, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ, и чѣмъ чище и возвышеннѣе душа ихъ, тѣмъ болѣе чувствуютъ они тяжесть паденія, тѣмъ болѣе ищутъ совершеннаго искорененія зла въ себѣ. Такъ и св. Θεодоръ, добро подвизавшійся въ мірѣ, какъ воинъ и какъ владѣтель, жаждалъ еще высшаго подвига: служенія Богу въ молчаніи тихой келліи, въ полномъ отреченіи отъ всего земнаго, отъ себя и отъ всѣхъ своихъ

страстей, даже болѣе благородныхъ, какова напримѣръ страстная любовь къ славѣ и величію отечества.

Кіевъ, и

•Мракъ пещеръ его безмолвныхъ,

•Краше царственныхъ палатъ» (1)

казался святому князю.—Княгиня его, Агаѳія, раздѣляла его мысль, и онъ благословилъ сыновей своихъ на княженіе, а народъ Волини на борьбу за Церковь православную изъ рода въ родъ. Простился онъ съ своей княгиней на вѣки, и оба постриглись: княгиня подъ именемъ Агриппины, Теодоръ подъ именемъ Θεодосія; онъ удалился въ кіево-печерскія Θεодосіевы *дальнія пещеры*, и, оставивъ прелесть міра сего, и княжескую славу, подвизался крѣпко о спасеніи своемъ, угождая Богу, даже до смерти.

Прошло болѣе 400 лѣтъ съ тѣхъ поръ. Много страдали, много грѣшили люди русскіе на Волини, и еще много слѣдствъ осталось рабства, и плѣна, и разврата; но не отрекся народъ отъ Церкви своей, не отрекся отъ святой Руси, и въ своихъ убогихъ храмахъ, съ своимъ загнаннымъ духовенствомъ не переставалъ молить Бога объ избавленіи, соединяя свои грѣшныя молитвы съ молитвами святыхъ угодниковъ земли русской, вопіющихъ ко Господу, и на землѣ, во всѣхъ краяхъ Россіи, и на небѣ, предстоящихъ у престола Божія.

400 лѣтъ лежатъ нетлѣнныя мощи преподобнаго князя Острожскаго, далеко въ пещерѣ, на берегу Днѣпра; но духъ его, конечно, молитвенно присутствуетъ при насъ когда съ вѣрою и любовію притекаемъ мы въ церковь братскую его древянаго, имъ прославленнаго, города Острога, къ придѣлу посвященному памяти его, и, съ благодарностію вспоминая его заслуги въ земной жизни, вѣруя въ непрестанное предстательство его за насъ на небѣ, поемъ: «моли Бога о насъ, преподобный княже Θεодоре, красоты разныя возгнушавшійся и богатства тлѣннаго съ благодарностію отвергшійся, богатому въ щедротахъ послѣдовавшій Христови».

Однако не довольно почитать пѣніемъ духовнымъ и усердною молитвой память князя Θεодора. Господу особенно угодно,

(1) Хомяковъ.

когда мы *подражаемъ* святымъ Его. Лучшая дань почитанія къ нимъ есть исполненіе всего, чему учили они своею жизнію, своимъ примѣромъ.

Итакъ, если мы хотимъ по истинѣ возблагодарить св. Теодора и прославить его, мы будемъ жить какъ онъ, безпорочно и согласно, въ семейной жизни, будемъ любить науку и трудъ, каждый по своему званію—въ мирное время; будемъ проливать кровь свою, какъ онъ, во время войны, твердо стоять всюду и всегда за Церковь православную, гдѣ бы ни представлялся намъ случай, и будемъ вѣрны до послѣдняго издыханія Царю русскому и дорогой нашей русской землѣ! Не забудемъ и любви, согласія и взаимной помощи съ родственными намъ народами славянскими, по примѣру св. Теодора, въ отношеніяхъ его къ чехамъ, и св. Кирилла и Меѳодія, общихъ просвѣтителей всѣхъ насъ русскихъ, болгаръ и сербовъ, сохранившихъ вѣрно ученіе и книги ихъ.

